12+

«Отряд „Филины". Перезагрузка»

Сергей Самборский

Сергей Самборский

Отряд «Филины». Перезагрузка

«Издательские решения»

Самборский С.

Отряд «Филины». Перезагрузка / С. Самборский — «Издательские решения»,

Переиздание книги Сергея Авдеева «Отряд сопротивления „Филины“» в новой редакции.Поисково-спасательный отряд «Филины» отправляется на поиски двух пропавших девушек. Но привычная операция быстро превращается в столкновение с неизвестностью: связь исчезла, в лесу слышна тяжёлая военная техника, а знакомые маршруты ведут к странным следам. Чтобы найти пропавших и понять, что происходит вокруг, отряду придётся держаться вместе и быть готовым к тому, чего не объяснить обычными правилами.

© Самборский С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Отряд «Филины». Перезагрузка

Сергей Самборский

© Сергей Самборский, 2026

ISBN 978-5-0071-5415-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Рюкзак привычно давил на плечи, но сегодня лямки казались особенно грубыми. Плотная кордура не пропускала влагу и дышала только в рекламных буклетах, а сейчас просто впитывала утренний холод, превращаясь в ледяной панцирь. Я поправила его, чувствуя, как под тканью прощупывается твердый угол пластиковой аптечки — она больно упиралась прямо между лопаток. В лесу все имеет свой вес и свой звук. Вес — это ответственность за девять человек, которые стоят у тебя за спиной и молчат. Звук — это тишина, которая вот-вот взорвется. Солнце еще не успело толком прогреть воздух, и от земли тянуло сыростью, прелой листвой и тем специфическим запахом осеннего тлена, который появляется, когда ночи становятся по-настоящему холодными. Мы стояли на опушке, там, где кленовые листья уже начали рыжеть по краям, покрываясь тонкой ржавчиной осени. Место было знакомо до последней кочки, до старого пня, из которого лезла семейка опят, до изгиба едва заметной тропы, уходящей в старую дубовую рощу. Мы тренировались здесь десятки раз. Но сегодня лес казался чужим. Он прислушивался вместе с нами, замерев перед броском.

— Лиз, карту проверила? — голос Глеба прозвучал слишком громко, нарушив хрупкое равновесие утра.

Он стоял чуть в стороне, методично проверяя крепления на ботинках. Высокий, худой, с этими своими вечно взъерошенными волосами цвета старой соломы. Он всегда так делал перед выходом — замирал на минуту, словно настраивался на другую частоту, подтягивал узлы шнурков, хотя они никогда не развязывались. Это был его способ договориться с собственным страхом.

— Проверила, — коротко бросила я, не оборачиваясь. Карта лежала в непромокаемом чехле во внутреннем кармане штормовки. Я знала ее наизусть, каждую просеку и каждый овраг вплоть до сломанной березы три года назад, но привычка проверять была сильнее здравого смысла. Руки сами тянулись к плотной бумаге каждые пять минут, чтобы убедиться, что бумага все еще существует.

Рядом зашуршала трава. Это Кэт. Она двигалась совершенно бесшумно, как лесной кот, скользя между стволами без единого лишнего движения, но сейчас специально наступила на сухую ветку. Дала о себе знать.

— Боеприпасы у всех? — ее голос был спокойным, даже скучающим, таким обычно спрашивают, кто идет за хлебом. Она поправила ремень ружья на плече, перекинула его поудобнее и скептически посмотрела на Олю.

Оля Лебедева стояла, прислонившись спиной к стволу дуба, и натягивала тетиву лука. Движения были отточенными, механическими, выверенными годами соревнований. Она единственная из нас, кто предпочитал огнестрелу композитную дугу. Говорила, что ружье слишком громкое для леса и пугает птицу, будто мы приехали сюда на охоту, а не искать людей.

— У меня все по списку, — отозвалась она, не поднимая глаз от оперения стрелы. — И хватит на меня так смотреть, Кэт. Я не промахнусь.

Кэт только хмыкнула и отвернулась, доставая из кармана разгрузки горсть кедровых орехов. Их вечное подтрунивание друг над другом было чем-то вроде ритуала, нервного тика всей группы. Если девчонки цапаются — значит, пока все идет как обычно. Значит, небо не падает на землю.

Я обвела взглядом остальных, отмечая мелочи. Тимур молча проверял затвор своего старенького помпового ружья. Он делал это с таким лицом, будто чистил картошку на кухне — сосредоточенно, ритмично и абсолютно без лишних эмоций, смазывая механизм масляной тряпкой. Борис возился с рацией, низко наклонив голову. Связи не было уже третий день, но он все равно упрямо крутил ручку настройки сквозь плотный белый шум, словно надеялся пой-

мать сигнал из прошлой жизни. Пластиковый корпус станции покрылся сетью мелких трещин от мороза. Сашок что-то тихо рассказывал Ире Громыко, активно жестикулируя руками в такт словам, она смеялась в ответ — коротко, рвано, явно через силу, просто чтобы поддержать разговор. Колян Подкопаев уже успел где-то найти гладкую палку и теперь чертил ей на влажной земле какие-то сложные геометрические фигуры, соединяя точки, стирая их подошвой тяжелого берца и начиная заново. Его пальцы мелко подрагивали. И Оксана… Оксана просто стояла чуть поодаль и смотрела на нас всех со своей фирменной, немного глуповатой улыбкой. Она всегда улыбалась перед выходом. Говорила, что это приносит удачу дуракам. Мы были командой. Десять человек. Каждый знал свою роль, свои сильные и слабые стороны, знал, кто прикроет спину, а кто начнет психовать первым при виде крови. Мы были «Филинами». Наше название родилось из привычки ночевать в лесу под уханье ночных птиц, завернувшись в тонкие летние спальники. Тогда это казалось романтичным подростковым бредом. Сейчас мне хотелось закричать. Я сделала глубокий вдох, пытаясь расправить легкие, сдавленные ремнями рюкзака. Воздух пах дымом — где-то далеко, километрах в пяти за трассой, жгли листву или мусор. И ещё чем-то… неуловимым. Металлом? Бензином? Горелой изоляцией? Нос пытался распознать этот химический привкус, но мозг отказывался давать ему имя. Так пахнет авария. Так пахнет война.

— Так, все готовы? — мой голос прозвучал тверже, чем я ожидала. Пришлось сглотнуть комок в горле, прежде чем говорить.

Девять кивков. Девять пар глаз смотрят на меня в ожидании команды. Никто не смотрел на карту, никто не проверял часы. Они смотрели на меня.

— Тогда выдвигаемся цепью. Интервал — пять метров. Смотрим не только под ноги, но и по сторонам. Если что-то услышите — стоп-сигнал рукой. Открытая ладонь вертикально вверх. Без самодеятельности.

Я первой шагнула на тропу. Под подошвой высокого трекингового ботинка хрустнула сухая ветка — звук показался оглушительным в утренней тишине, сухим треском разорванной бумаги. Лес принял нас в свои объятия сразу же, как только мы отошли от опушки на пару десятков метров. Солнечный свет обрезало мгновенно, сменив прозрачность утра густым зеленым сумраком, прошитым золотыми нитями редких лучей. Шли молча. Только тяжелый шум наших шагов, чавканье грязи да редкое переругивание шепотом нарушали покой чащи. Я чувствовала тяжесть ружья за спиной, холодный металл карабина касался шеи, и привычную, свинцовую тяжесть ответственности в груди. Мы искали двух девушек из областного центра. Восемнадцать и девятнадцать лет. Ушли в лес у крайнего хутора района пять дней назад собирать грибы и пропали. Стандартная операция. Ничего нового. Обычная рутина поисково-спасательного отряда. Я старалась не думать о том, что связь с миром оборвалась так внезапно, разом похоронив под статикой телефоны и цифровые рации. Не думать о странном гуле в небе три ночи назад — низком, утробном звуке тяжелых машин, который слышали все, но никто не мог объяснить ни диспетчеру МЧС, ни самим себе. Не думать о том, что когда мы выходили из моего дома три дня назад, на выезде из поселка уже стоял блокпост. Люди в незнакомой форме, тяжелые щиты, направленные вниз стволы автоматов. Мы просто опустили головы и прошли мимо, делая вид, что идем ставить палатки на турбазу. Мысли об этом я гнала прочь. Сейчас была только работа: лес, карта, компас и девять человек за спиной. Тропа пошла вверх по склону холма, дыхание становилось тяжелее, мышцы бедер начало предательски тянуть. Холодный пот выступил на пояснице.

— Лиза! — тихий оклик Глеба заставил меня остановиться.

Он стоял чуть выше по склону, согнув одну ногу в колене, и смотрел куда-то сквозь деревья на север. Его взгляд стал пустым, стеклянным — такой бывает у хищника, заметившего движение в траве.

— Ты слышишь?

Я замерла, прислушиваясь. Лес жил своей жизнью: скрип старых сосен на ветру, далекий, размеренный стук желны… А потом я услышала это. Низкий гул. Не тот ночной кошмарный рокот неба, а что-то другое. Механическое фырканье дизельного двигателя и лязг металла по асфальту где-то там, за лесом, за гребнем холма. Звук шел волнами, то приближаясь, то отдаляясь, отражаясь от древесных стволов. Глеб посмотрел на меня через плечо. В его глазах не было страха — только холодный расчет баллистика, вычисляющего траекторию.

— Техника идет по трассе в сторону райцентра, — одними губами сказал он. — Тяжелая. Очень тяжелая.

Я кивнула ему и перевела взгляд на остальных. Ребята остановились по цепочке, глядя на нас с Глебом. В их глазах читался один и тот же немой вопрос, повисший в воздухе тяжелым конденсатом: «Это наши?». Я приложила палец к губам и жестом приказала всем опуститься на землю. Затем указала на огромный выворотень — гигантскую сосну, которую ветер вырвал с корнем лет десять назад. Корни торчали вверх, образуя естественную стену высотой в человеческий рост. Мы залегли быстро и слаженно — сказывались сотни тренировок, въевшихся в рефлексы. Упали в мокрую прошлогоднюю хвою, растворяясь среди теней. Гул приближался. Теперь я различала отдельные звуки: натужный рев мотора, лязг гусениц, пытающихся зацепиться за старый асфальт, металлический скрежет плохо закрепленного кузова. Или мне казалось? Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в барабанных перепонках. И вдруг все стихло так же внезапно, как началось. Наступила абсолютная, звенящая тишина. Даже ветер упал. Мы пролежали еще минут десять, не шевелясь, боясь выдохнуть. Тишина после такого звука давила на уши сильнее любого шума. Наконец я подняла голову первой, медленно, миллиметр за миллиметром сдвигая капюшон куртки.

— Уходим глубже в лес, — прошептала я так тихо, что сама едва услышала свой голос. Горло пересохло. — К реке. Там есть старая база геологов или что-то вроде того… заброшенные вагончики. Пересидим до темноты и свяжемся со штабом по запасной частоте из оврага у Кривого ручья. Радиоэфир там чистый. Никто не спорил. Ни одного вопроса. Мы поднялись, отряхивая налипшую грязь и сухие иголки, и двинулись дальше уже не как спасатели на прогулке, а как люди, которые пытаются стать невидимыми для целого мира, оставшегося за их спиной. Лес снова сомкнулся вокруг нас зеленой стеной, отрезая от звуков цивилизации и оставляя только нас десятерых против неизвестности впереди. Листва стала плотнее, ветки цеплялись за одежду, стараясь задержать, не пустить. Лес становился гуще, а воздух — плотнее. Он пах сырой землей, грибами-поганками и чем-то еще, неуловимо тревожным, металлическим привкусом беды на кончике языка. Мы двигались цепочкой, ступая след в след, выбирая места посуше. Тимур шел замыкающим, его задача — прикрывать тыл, и я знала, что он не пропустит ни одного шороха, будет слушать темноту затылком. Борис, шедший впереди головного дозора рядом со мной, сверялся с компасом каждые пять минут. Стрелка вела себя странно: то замирала намертво, дергаясь лишь от вибрации шагов, то начинала медленно вращаться по кругу, словно сошла с ума от близости огромных масс железа. Борис хмурился, бормотал что-то про магнитную бурю, прятал прибор в нагрудный карман и упрямо шел дальше, ориентируясь по мху на стволах. Солнце, пробивавшееся сквозь кроны, начало клониться к западу, окрашивая туман в цвет разбавленной крови. Длинные тени от деревьев ложились на тропу причудливыми узорами, похожими на трещины в старом стекле. Идти становилось тяжелее. Под ногами зачавкало, захлюпало — мы приближались к заболоченной низине перед рекой. Резиновые сапоги перестали быть гарантией сухости, ледяная вода начала просачиваться внутрь, обжигая кожу. Запахло стоячей водой и торфом. До базы геологов оставалось километра полтора вязкой, голодной топи.

Глава 2

Тропа ползла вниз по склону, будто сама стремилась в заболоченную низину, затягивая нас в липкую топь. Каждый шаг давался ценой усилия — будто приходилось выдирать ноги из цепких объятий болота: вода хлюпала в ботинках, ледяными пальцами пробираясь к коже, а каждый подъём ноги превращался в мучительное противостояние вязкой грязи. Тимур замыкал цепочку, сгибаясь под рюкзаком с провизией — тот будто наливался свинцом с каждым метром. Он спотыкался о корни деревьев каждые несколько шагов, тихо выдыхая сквозь сжатые зубы, и в этом сдержанном звуке слышалась вся накопившаяся усталость.

— Сашок! — окликнула я, не оборачиваясь. Голос сорвался от усталости, прозвучав резче, чем хотелось. — Подбодри парня, а то он скоро ляжет пластом.

Сашок обернулся через плечо, на миг задержав взгляд на Тимуре, и тут же растянул губы в привычной широкой улыбке — той самой, что всегда появлялась в самые тяжёлые моменты, будто он мог одним своим видом разогнать сгущающуюся тьму.

— Держись, Тима. Осталось всего ничего до реки.

«Всего ничего» прозвучало издевательски — как насмешка над нашими свинцовыми ногами и пересохшими глотками. Мы шли уже почти весь день, солнце давно миновало зенит, но лес всё тянулся перед нами бесконечной стеной, будто нас кружили по одному и тому же кругу, возвращая на старые тропы. Колючие кусты цеплялись за одежду, рвали ткань там, где мачете не успевали их прорубить, оставляя на куртках длинные, неровные царапины, словно лес метил нас, присваивая себе. Я чувствовала, как пот смешивается с грязью на лице, стекает по спине под мокрой курткой, пропитывая футболку, и каждый вдох отдавался тяжестью в груди. Рюкзак впивался ремнями в плечи, оставляя красные полосы, и эта боль стала уже привычной, почти незаметной — как фоновый шум, который перестаёшь слышать, если долго к нему прислушиваешься. Борис не выпускал из рук бумажную карту, прижимая её к груди, чтобы ветер не вырвал. Его губы беззвучно шевелились над сложенными линиями дорог, будто он пытался запомнить её наизусть, впитать каждую извилину, каждый условный знак, чтобы потом, когда бумага исчезнет, ориентироваться по памяти. Казалось, он боялся, что если хоть на секунду отпустит карту, она растворится в сыром воздухе, как утренний туман. Глеб скользил впереди, бесшумно, как тень, сливаясь с сумерками — казалось, он не шёл, а растворялся в полумраке и снова сгущался шагах в десяти впереди. Он двигался низко пригнувшись, внимательно изучая землю у себя под ногами, и в его сосредоточенности было что-то хищное, инстинктивное — будто он не просто читал следы, а слушал сам лес, улавливая малейшие изменения в его дыхании. Иногда он останавливался так резко, что все остальные налетали друг на друга, сбиваясь в плотную, неловкую кучу, и тогда на миг воцарялась тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием и шорохом мокрой одежды. На этот раз он застыл намертво — будто корни деревьев вросли в его подошвы. Я натолкнулась ему в спину прежде, чем успела остановиться, и этот глухой, упругий удар о его плечо на секунду вернул меня в реальность, напомнив, что мы всё ещё здесь, в этом сыром, враждебном лесу, а не в каком-то затянувшемся кошмаре.

— Что? — прошептала я, хотя уже знала: если Глеб замер, значит, увидел что-то важное.

Он поднял руку вверх, ладонью вперёд — знак «Стоп». Остальные автоматически замерли, затаив дыхание, и в этой внезапной тишине лес будто тоже прислушался к нам, замер, перестав скрипеть и шептать. Глеб медленно опустился на одно колено, всматриваясь в землю, и его пальцы, длинные и тонкие, осторожно коснулись грязи, словно он боялся спугнуть невидимые знаки. Там, среди отпечатков наших собственных сапог, проступили другие — аккуратные, округлые, с чётким контуром каблука. Женские туфли на каблуке, утопающие в грязи,

выглядели здесь до абсурда неуместно, как чужеродный предмет, случайно попавший в этот дикий, неприветливый мир.

— Это они? — прошептала Оля, мгновенно оказавшись рядом. Её голос дрожал, но в нём уже слышалась надежда — та самая, острая и хрупкая, которая могла либо спасти, либо сломать.

Глеб провёл пальцем по следу, едва касаясь края, будто считывал с него информацию, как с текста, написанного невидимыми чернилами.

— Возможно… Но по ним не определишь. Им дня два-три. Они прошли здесь раньше нас.

Мы переглянулись, и в этом молчаливом обмене взглядами промелькнуло сразу всё: облегчение, сомнение, страх. Если девчонки были здесь, значит, они живы или хотя бы были живы недавно. Надежда вспыхнула, яркая и острая, как искра от удара стали о кремень, на миг сжигая усталость, но Глеб продолжил говорить, и его голос стал тише, будто он боялся спугнуть эту хрупкую надежду.

— И ещё кое-что…

Он указал рукой дальше по тропе. Следы обуви внезапно обрывались, уходя вдоль болота, а за ними тянулись глубокие, неровные гусеничные следы лесовозной техники — широкие, тяжёлые, безжалостно вминающие в землю всё, что попадалось на пути. Они выглядели как шрамы на теле леса, грубые и уродливые.

— Они не провалились? — предположила Кэт, и в её голосе прозвучала тревога, которую она тщетно пыталась скрыть за ровным тоном.

Глеб покачал головой, его взгляд оставался холодным и сосредоточенным, будто он уже просчитывал все возможные варианты, раскладывая их по полочкам в своей голове.

— Не похоже. Скорее техника прошла позже и уничтожила женские следы.

К вечеру мы выбрались к реке. Вода бурлила между камнями, перекатываясь пенными волнами, и этот неумолчный шум казался почти оглушительным после дневной тишины, наполненной только нашими шагами и тяжёлым дыханием. По другую сторону виднелась небольшая поляна, окружённая орешником — густые, переплетённые ветви создавали естественную ограду, и место для лагеря выглядело идеальным, будто кто-то специально подготовил его для нас. Пока парни ставили палатки, Тимур ворчал, проклиная комаров и сырость, но в его ворчании не было настоящей злости — скорее, это был способ выпустить напряжение, сбросить с себя груз прошедшего дня. Девушки занялись костром, и Оксана ловко нашла сухие ветки даже в этой всепроникающей сырости, используя складной ножик, чтобы нарезать щепу. Её движения были точны и экономичны — годами отработанный ритм, где не было ни одного лишнего жеста, ни одного напрасного движения. Она будто сливалась с лесом, становясь его частью, и в этом было что-то завораживающее. Комары обрушились на нас, как кара, — казалось, вся болотная низина выплюнула свою армию кровососов нам в лицо. Ребята машинально хлопали себя по шее и щекам, стараясь не обращать внимания на зуд, который становился всё сильнее, проникая под одежду и заставляя кожу гореть. Ужин был простым: консервированная тушёнка с сухарями. Тушёнка, похожая на резину после долгого хранения, липла к зубам, но сейчас казалась вкуснее любого деликатеса — возможно, потому, что это была еда, добытая ценой долгих часов изнурительного пути, и каждый кусочек имел свой вес и свою цену. Никто не жаловался — просто молча ели, уставившись в огонь, и в этом молчании было больше слов, чем в любых разговорах. Пламя отбрасывало пляшущие тени на лица, делая их то чужими и резкими, то родными и знакомыми, и на эти мгновения мы все становились просто людьми, уставшими и голодными, а не отрядом, несущим на себе груз ответственности. Когда ужин закончился, я достала фонарик и разложила карты на коленях. Пальцы дрожали от холода и усталости, и тонкая бумага казалась почти невесомой, будто могла улететь от малейшего дуновения ветра.

— Дежурство разбиваем парами, — сказала я, поднимая взгляд и обводя глазами лица, освещённые неровным светом костра. — Первая смена: я с Кэт. Вторая: Борис с Тимуром. Третья: Сашок с Ириной. Четвёртая: Николай с Глебом, пятая Оксана с Ольгой.

Все кивнули, понимая серьёзность ситуации, и в этом молчаливом согласии я почувствовала, как между нами протягивается невидимая нить, связывающая нас крепче любых слов. Ночь наступала быстро, без долгих сумерек, будто кто-то резко опустил занавес, отрезая нас от дневного света. Лес погружался во тьму, поглощая последние блики заката, и воздух становился гуще, наполняясь запахами грибов, гнили и сырой земли — запахами, которые днём почти не ощущались, а теперь обволакивали, проникая в лёгкие и оседая где-то глубоко внутри. Костёр трещал, отбрасывая пляшущие тени на лица сидящих вокруг него, и на эти мгновения мир сузился до этого маленького круга света, за пределами которого начиналась неизвестность. Комары стихли, уступив место другим звукам ночи: скрипу ветвей, шороху листвы, далёким крикам ночных птиц, и эти звуки казались теперь не просто шумом, а голосами леса, который наблюдал за нами, прислушивался, оценивал. Мы с Кэт стояли на первом дежурстве. Остальные ушли спать, оставив только две фигуры у огня — две одинокие точки света в огромной, тёмной пустоте. Она смотрела в темноту, перебирая пальцами ремень своего ружья, и в этом привычном, почти бессознательном движении было что-то успокаивающее — будто этот холодный металл давал ей опору, напоминал, что она не одна.

— Помнишь тот день, когда ты приняла меня в отряд? — спросила она вдруг, не отрывая взгляда от леса. Голос прозвучал спокойно, без пафоса, но в нём слышалась какая-то затаённая уязвимость, которую Кэт редко позволяла себе показывать.

Я удивлённо посмотрела на неё. Два года назад… Как это было давно, и в то же время казалось, что это было только вчера — тот день, когда мне передали её письмо, написанное мелким, аккуратным почерком, и в каждой строчке которого чувствовалась искренность, лишённая всякой позы.

— Конечно, помню. Ты целый год наблюдала за нами издалека, а потом написала письмо одному из нас.

Кэт улыбнулась, но улыбка вышла кривоватой, будто ей было неловко вспоминать об этом.

— Да. Целый год я боялась подойти. Думала, что вы такие крутые, а я… просто фанатка. Боялась быть отвергнутой.

Я вспомнила тот момент: как держала в руках тонкий конверт, как читала строки, написанные дрожащей рукой, и как в груди что-то сжималось от этой откровенности, от этой смелости признаться в своей неуверенности.

— Почему именно наш отряд? — спросила я, глядя на пламя, которое то вспыхивало ярче, то почти угасало, будто дышало вместе с нами.

— Вы делали что-то настоящее. Искреннее. Без этих «мы герои-спасатели», а просто… спасали людей. И мне захотелось стать частью чего-то большего, чем моя собственная жизнь.

Её слова повисли в воздухе вместе с дымом костра, смешиваясь с ночной сыростью и становясь частью этой ночи, этого леса, этого момента. Я поняла, почему Кэт всегда держится немного особняком — уверенная снаружи, но уязвимая внутри, она всё ещё пыталась доказать себе, что достойна быть здесь, что её место не случайно, что она не просто тень, следующая за остальными. Часы показывали половину второго ночи. До рассвета оставалось ещё долго, и эта бесконечная ночь будто растягивалась, поглощая время, делая его тягучим и плотным. Огонь постепенно угасал, и тени становились длиннее, сливаясь с темнотой и превращая лес из знакомого убежища в лабиринт теней, где каждый силуэт мог оказаться чем угодно — деревом, кустом или чем-то, что лучше не встречать в темноте. Мы с Кэт пошли по периметру лагеря, держа фонарики на минимальной мощности — лишь чтобы видеть собственные ноги, не выдавая себя светом, который в этой темноте казался предательски ярким. Тимур ворчал во

сне где-то внутри палатки; его голос доносился приглушённым эхом сквозь брезент, и в этом звуке было что-то успокаивающее — напоминание, что рядом есть люди, что мы не одни в этой огромной, враждебной темноте. Остальные спали крепче: дневной переход через болото выжал из них все силы, и даже Борис перестал возиться со своей бесполезной рацией и наконец уснул, уронив голову на грудь, будто сдался перед этой непробиваемой тишиной, которая поглощала все сигналы, все попытки связаться с внешним миром. Мы двигались молча, проверяя каждый куст у опушки, прислушиваясь к каждому шороху, пытаясь уловить малейшее движение в темноте. Земля под ногами была влажной от росы, трава шуршала, цепляясь за края штанов, и этот тихий, монотонный звук сливался с остальными ночными шумами, становясь их частью. Я шла чуть впереди, чувствуя, как ноют натёртые ремнями плечи, и эта боль, ставшая уже привычной, теперь казалась почти родной — как напоминание о том, что я всё ещё здесь, что я ещё могу идти, что я ещё должна идти. За два года походов я привыкла к боли, но сегодня она казалась особенно навязчивой, будто пыталась пробиться сквозь усталость и напомнить о себе, заставить остановиться, сдаться, но я не могла себе этого позволить.

— Лиза… А ты слышишь? — Кэт остановилась так резко, что я едва не налетела на неё. Её голос прозвучал тихо, почти шёпотом, но в нём слышалась тревога, которую она не могла скрыть.

Я замерла, прислушиваясь. Шакалы выли за рекой, их вой был низким и протяжным, словно они перекликались друг с другом через всю долину, и этот звук был привычным, почти родным — таким же, как скрип старых сосен или уханье сов где-то высоко над кронами деревьев. Но то, о чём говорила Кэт, было другим — не частью привычного лесного хора, а чем-то чужеродным, нарушающим этот устоявшийся порядок. Она направила луч своего фонарика вниз, на землю, и тени от листьев орешника метались по земле, сплетаясь в причудливые, искажённые узоры — будто сама ночь пыталась что-то нам сказать, предупредить, предостеречь.

— Это просто усталость, — сказала я твёрже, чем чувствовала, пытаясь вложить в эти слова уверенность, которой на самом деле не было. — Или оптическая иллюзия.

Кэт кивнула, но её взгляд оставался напряжённым, будто она не верила ни моим словам, ни собственным глазам. Она смотрела не на меня, а куда-то вдаль, туда, где тьма смыкалась с небом, образуя сплошную, непроницаемую стену, за которой могло скрываться что угодно — от обычного зверя до того, что лучше не встречать в темноте.

— Знаешь, Лиз… — начала она после долгого молчания. Её голос звучал тихо, почти шёпотом, будто она боялась, что слова, произнесённые вслух, станут реальностью. — А если завтра утром мы выйдем к дороге, а там нас встретят люди в форме? Кто они будут?

Вопрос повис в воздухе вместе с дымом костра, тяжёлый и неизбежный, и я поняла, что Кэт имеет в виду тот самый блокпост, который мы видели днём у выезда из посёлка. Тогда он показался мне случайностью, досадной помехой, чем-то, что можно обойти, проигнорировать, забыть. Теперь, ночью, он вырос из случайной помехи в тёмную тень неизвестности, нависшую над нами, и эта тень становилась всё больше, поглощая всё вокруг, включая наши надежды и планы.

— Мы разберёмся, когда дойдём туда, — ответила я, стараясь скрыть дрожь в голосе, которая предательски прорывалась сквозь внешнюю уверенность. — Пока есть хоть один шанс найти девчонок живыми, мы будем идти вперёд.

Мы прошли ещё несколько шагов вдоль кромки поляны. Внезапно Кэт снова остановилась, и на этот раз в её позе было что-то новое — не тревога, а скорее удивление, смешанное с лёгкой грустью.

— Ты чувствуешь этот запах?

Влажный воздух пах грибами и гнилью, смешанной с ароматом хвои, и этот запах был таким привычным, что я почти не замечала его, как не замечаешь запах собственного дома. Но сейчас к нему добавилось что-то другое — слабый, приторный аромат цветов, сладкий и почти

дурманящий, который шёл откуда-то слева, из глубины леса. Я сделала шаг в сторону, светя фонариком в заросли папоротника, и там, среди мха, цвёл дикий жасмин. Его белые цветы мерцали в темноте, будто маленькие луны, и этот неожиданный всплеск красоты посреди сырости и грязи казался почти нереальным, как мираж, который вот-вот растает. Запах жасмина был таким густым и сладким, что, казалось, его можно было сжать в кулаке, как влажный шёлк, и на эти мгновения весь остальной мир — усталость, тревога, неизвестность — отступил, оставив только эти хрупкие белые цветы и их нежный аромат.

— Красивый, — выдохнула Кэт, и в её голосе прозвучало что-то такое, чего я раньше не слышала — не просто восхищение, а какая-то тихая, затаённая грусть. — Жаль, что такие вещи замечаешь только тогда, когда весь мир кажется серым.

Я кивнула, хотя понимала, что она говорит не про цветы. Она говорила про те редкие мгновения красоты, которые пробиваются сквозь тьму, напоминая, что даже в самом мрачном месте есть что-то светлое, что-то, ради чего стоит идти дальше, даже если каждый шаг даётся с трудом. Мы стояли рядом, разделённые лишь узким лучом света наших фонариков, и в этом свете наши лица казались почти детскими, лишёнными привычной жёсткости и собранности, и на эти мгновения мы снова были просто двумя девушками, уставшими и напуганными, но не сдавшимися. Ночь обволакивала нас, как тяжёлое влажное одеяло, глуша все звуки, кроме далёких криков зверей и треска веток под нашими ботинками, и в этой тишине я впервые за день позволила себе признаться самой себе: если мы завтра не найдём следов Эллы и Вики, надежда начнёт таять быстрее, чем утренний туман, и этот страх, который я так старательно прятала за приказами и планами, впервые прорвался сквозь броню решимости, ледяной волной окатив изнутри. Страх, что Элла и Вика уже не ждут нас где-то в лесу, а лежат неподвижно под слоем прелой листвы, был таким острым, что на мгновение перехватило дыхание, но я встряхнула головой, прогоняя эти мысли, потому что сейчас нужно было сосредоточиться на патруле, на каждом шаге, на каждом шорохе, на каждом вдохе. Следующий час принадлежал нам с Кэт — двум девушкам, которые учились доверять друг другу больше слов. И пока мы шли вдоль кромки поляны, я старалась не думать о том, что завтрашний день может не принести ни ответов, ни надежды, потому что если я начну об этом думать, то просто не смогу сделать следующий шаг.

Глава 3

— Ну что, дальше-то как? — Колян ворошил палкой угли. Сырая древесина шипела, выплевывая едкий сизый дымок, который тут же оседал на куртках серой вуалью. Четвертое утро мы встречали под этим тяжелым хвойным пологом, где даже рассвет казался приглушённым, будто лес не хотел пускать в себя свет. Трехдневный прочес квадрата, который нам очертил староста хутора, не дал ровным счетом ничего. Пустота. И эта тишина была не спокойной, а какой-то настороженной, словно лес знал что-то, чего не знали мы.

— Третий день пошел, а тишина мертвая, — протянул Борис, глядя на свои ладони, покрытые въевшейся грязью. Он тер их друг о друга, но чернота не смывалась — она въелась в кожу, как сама эта местность. — Неужели они до сих пор квадратами ходят?

— Ребят, гляньте телефоны, — я вытащила свой мобильник из внутреннего кармана куртки. Ткань там уже задубела от влаги и многократных стирок в ручье. Экран был слепым и бесполезным. Ни одной полоски связи, значок интернета давно погас. — У меня до сих пор связи нет.

Все зашуршали молниями рюкзаков, доставая телефоны, будто в сотый раз надеясь, что за последние полчаса что-то изменилось. Картина у всех была одинаковой уже который день: глухой бетон. Сети не было даже для простого звонка. Даже «абонент не отвечает» было бы сейчас подарком — хоть какой-то контакт с внешним миром.

— Странно, — нахмурился Борис. — В предгорьях обычно хоть одна вышка да ловит. Ладно там мессенджеры, но голос… Мы либо слишком глубоко провалились, либо просто пропустили сигнал. Идти к хутору за новостями или выбираем новый маршрут? Могли же проскочить мимо.

— Вдесятером по второму кругу? — Глеб потер красные от недосыпа глаза. Веки у него были воспаленными, с тонкой сеткой лопнувших сосудов. — Хотя если нас занесло далеко на север…

— Конечно, ракетницу с того хребта уже не разглядеть, — флегматично добавил Колян, продолжая методично раздалбывать обугленную ветку. Угли внутри рассыпались тусклыми искрами, и они гасли, едва взлетев, — сырой воздух тут же съедал их тепло.

Я тяжело хлопнула себя по коленям, разгоняя кровь. Ноги после вчерашнего перехода казались чужими, пудовыми гирями, налитыми свинцом. Каждый сустав ныл, напоминая о каждом шаге по корням и камням.

— Так, слушаем сюда, — мой голос сел от утренней сырости и хрипел, будто я всю ночь кричала в пустоту. — Провизии еще дня на два, это если экономить. Сигнала ноль. Если сейчас ломанемся на выход, обратно в этот бурелом нас уже ничем не загонишь, а проделывать тот же путь заново — самоубийство. Я предлагаю задержаться еще на двое суток. Уходим вот сюда, — я ткнула пальцем в раскрытую карту, — в сторону скалистой гряды. Вероятность, конечно, нулевая, девчонки вряд ли бы туда полезли, мокро и скользко, но проверить надо. Кто согласен — поднимаем руки.

Семь рук взлетели сразу, уверенно и быстро, будто люди хотели поскорее закрыть этот вопрос и двигаться дальше, даже если не знали куда. Борис, Ира и Оля замешкались секунды на три-четыре, переглядываясь между собой, прежде чем тоже поднять ладони. Видимо, прикидывали остатки гречки в своих мешках и мысленно делили их на порции.

— Отлично. Тогда смотрим маршрут.

Карта была только у меня. Решено было уходить западнее, прямо к скальному массиву. Формально мы и так сидели в предгорьях, земля здесь шла волнами, сплошные промоины и выворотни, корни старых деревьев торчали из земли, как скрюченные пальцы, но новая нитка маршрута вела непосредственно в каменные теснины. Там текла река, сжатая отвесными сте-

нами, а берега были покрыты таким плотным переплетением ольхи и шиповника, что продраться сквозь него без мачете нереально. Туда волонтеры точно не сунутся, поберегут лица и одежду. Позавтракали всухомятку, экономя время и тепло. Сухари хрустели на зубах, отдавая сыростью и затхлостью, но мы жевали их, стараясь не замечать вкуса. Костер затоптали сапогами, перебили последние синие язычки пламени сырой землей, собрали пожитки. Дорога до точки заняла почти весь световой день. Учитывая, что наша главная задача — не покрыть километры, а найти людей, мы постоянно сбивали темп: шли цепочкой, растянувшись вправо и влево метров на тридцать, орали во всю глотку, заглядывали в каждую дренажную канаву, выворачивали корневища старых сосен, утюжили глазами землю в поисках клочков яркой ткани. Но пока все впустую. Связи нет, непонятно вообще — ищут их еще или уже свернули операцию, решив, что поздно. Оставалось надеяться, что девчонок нашли где-нибудь на другом краю леса, а наш сектор оказался тупиковым, и мы банально не видели сигнальную ракету из-за рельефа. Ближе к вечеру вышли к реке. Вода неслась вниз с сумасшедшей скоростью, билась в гранитные зубы порогов, вскипала белой пеной на перекатах. Глубина по колено, перейти вброд можно, но напор такой, что устоять на ногах невозможно — ледяной поток бьет под колени, пытаясь сорвать подошвы. А дно живое: огромные гладкие валуны, торчащие посреди русла, превратят любой соскользнувший ботинок в перелом обеих ног. Оба берега представляли собой полосу крупной речной гальки, переходящую выше в мелкую щебенку, и лишь чуть дальше, перед самым началом скал, начинался лес. Деревья росли так густо, что казалось, будто кто-то провел границу ножом. Зато почва там была укрыта мягким пружинящим ковром из мха и многолетней слежавшейся травы — настоящий зеленый оазис среди этого серого камня.

— Все, стоп машина, — я сбросила лямки рюкзака, чувствуя, как немеет поясница и будто рассыпаются позвонки. Остальные попадали на траву с таким стоном облегчения, словно пробежали марафон и только сейчас позволили себе упасть. Понимала каждого: четвертый день непрерывной ходьбы по пересеченке высасывает досуха, адреналин закончился еще вчера, оставив после себя только гудящую пустоту и ломоту в каждой мышце.

Минут пятнадцать мы просто лежали пластом, раскинув руки. Мышцы бедер вибрировали мелкой дрожью, икры свело узлами, и любое движение казалось непосильным трудом. Никто не хотел шевелиться, даже дышать старались реже.

— Пойду попробую рыбу половить, — Тимур достал из клапана чехла складную удочку-телескоп. За весь поход он доставал ее впервые, берег крючки и леску, как драгоценность. Возражений не последовало, запах горячей ухи примирял с реальностью быстрее любых слов. Расстановкой лагеря народу хватит.

— Лиз, — Оксана подсела ко мне, когда я пыталась размять забитые голени. Пальцы скользили по жестким треккинговым носкам, не находя места, где не болело бы. — А где ракетница?

— У Глеба в клапане, — удивилась я. — Тебе зачем? Мы же никого не слышим.

— Насколько помню уговор со старостой: если находим — стреляем дважды. Если сворачиваемся пустыми — он дает три зеленых. Сейчас один час, выстрелим одним. Пусть знают, что они тут не одни. Может, откликнутся, — она смотрела выжидающе. До меня туго доходило от усталости, мысли путались, как мокрая пряжа.

— Зачем? Они же молчат.

— Да мало ли! — Оксану явно захватила эта простая мысль, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на азарт. — Вдруг сидят вон за тем поворотом, метрах в трехстах, боятся голову поднять. Услышат бах — закричат. Запас труб у нас есть, одну не жалко. Завтра ведь все равно назад поворачивать, чего терять?

— Глеб! — окликнула я парня, возившегося с дугами палатки. Он обернул чумазое лицо, в складках кожи темнела въевшаяся грязь. — Дай один зеленый в зенит. Вдруг услышат.

Глеб кивнул, расстегнул кобуру фальшфейера. Хлопок прозвучал сухо и резко, почти буднично, но шипящий красный огонь рванул в быстро темнеющее небо, оставляя жирный коптящий след, который тут же начал растворяться в сырой мгле. Тимур уже сматывал леску, выбирая заводь поспокойнее ниже по течению. Мальчишки потащили спальники и тенты на приглянувшуюся проплешину. Кэт с Оксаной ушли шуршать валежником, их силуэты быстро сливались с приближающимися сумерками. Я продолжала сидеть, массируя ступни через жесткие носки, когда рядом опустились Ира с Олей. Какое-то время мы просто смотрели на разгорающиеся ветки. Пламя трещало, выплевывая искры, и эти искры на секунду высвечивали усталые, заострившиеся лица. Молчание первой нарушила Ира:

— Жуть берет, если честно. Что с ними могло произойти, если столько дней никто не откликается? Нам бы самим теперь ноги не переломать.

— От таких поисков всегда остается тяжелый привкус во рту, — слова давались с трудом, язык едва ворочался. — И представлять не хочу, через что им пришлось пройти. В этих буераках сгинуть — нечего делать.

— А сотовые мертвые, — вставила Оля, пряча телефон обратно в чехол. Пластик был холодным, как лед. — За все дни ни разу не пикнули. Может, мы так высоко забрались, что радиоволна сюда просто не долетает?

— Тут может быть что угодно, — выдохнула я. — Завтра выдвигаемся домой, нужно хотя бы четыре часа сна урвать. Только вот возвращаться порожняком тошно. «Сейчас уже поздно метаться, — думала я, глядя на пляшущие языки огня, — могли выбрать не тот распадок, или вообще опоздали на сутки. Хотя… вполне возможно, что, когда мы завтра доковыляем до хутора, дед скажет, что Вика с Эллой сами вышли на трассу, живые-здоровые». От этой мысли в груди слабо затлела надежда, тонкая, как фитиль, который вот-вот погаснет. Но именно сейчас, сидя в темноте, мы никак не могли это проверить.

— Девчат, хорош киснуть, идите за дровами, — с огромным усилием я заставила себя встать с нагретого места. Земля под ногами казалась предательски неустойчивой. — Надо набрать сухого запаса под завязку, чтобы до утра хватило без беготни.

Мы славно упахались до самой темноты: поставили палатки, выкопали в дерне ямку под костер, обложили очаг камнями, чтобы ветер не разносил искры. Тимур вернулся от реки с тремя крупными форелями, чешуя серебрилась в свете фонарей, как полированный металл. Наваристая ушица будет. И тут пространство вокруг резко схлопнулось, сжалось до одной точки, где звук пробивался сквозь шум реки. До слуха начали долетать обрывки криков, которые ветер то приносил, то снова рвал в клочья:

— По-мо-ги-те-е! Мы зде-есь!

— Вы слышали?! — Кэт крутила головой, прижимая ладонь к уху, пытаясь понять, не мерещится ли ей. — Или у меня слуховые фантомы от голода?

— Зовут, — тихо подтвердил Глеб, медленно поднимаясь на ноги. Его движения были осторожными, будто он боялся спугнуть звук. — Просят помощи.

Мы переглянулись. Слышали все. И в этом общем взгляде было сразу всё: неверие, облегчение, страх, что это окажется миражом, и готовность бежать прямо сейчас.

— Четверо держат лагерь, — командовать приходилось через силу, связки саднили, и голос звучал хрипло, но твердо. — Шестеро вдоль русла на звук с фонарями. Брод ищем аккуратно, трое переходят на тот склон, работаем клещами с двух сторон.

В лагере остались Глеб, Оксана, Ира и Кэт. На случай, если голоса идут не оттуда, куда мы думаем, и потерявшиеся выйдут на огонь нашего костра раньше, чем мы их найдем. Им наверняка потребуется первая помощь. Я, Оля, Борис, Сашок, Колян и Тимур двинулись в сторону звука. Метров через шестьсот, когда мы все еще топали по своей стороне, на противоположном берегу, прямо из-за черного зубастого валуна, показалась фигура. Девушка в тонкой болоньевой курточке, капюшон натянут на лоб, поверх светлых волос — какая-то детская

шапочка с помпоном. На ногах черные лосины и короткие резиновые сапожки, нелепые здесь, среди камней и воды.

Мы встали как вкопанные. Замерла и она. Несколько секунд мы просто таращились друг на друга через ревущую воду, пока девушка на том берегу не взяла себя в руки.

— Здравствуйте, — голос у нее дрожал, срывался на высоких нотах, и в нем слышался такой страх и такая надежда, что у меня защемило в груди. — Извините… а вы случайно не нас ищете?

Нам потребовалось еще мгновение, чтобы смысл вопроса пробился сквозь оглушающий шум реки.

— Мы ищем Эллу и Вику, — первой среагировала Оля. — Они не вернулись из леса несколько дней назад.

— Да-да! — девушка судорожно закивала, и я увидела, как по ее щекам мгновенно побежали блестящие дорожки слез. — Это я Элла! А Вика сидит там, дальше по течению, видите? У нее с ногой совсем плохо. То ли сломала, то ли вылетело из сустава. Идти не может, вот и кукуем уже какие сутки.

— Элла, ты отсюда видишь, там впереди переправа нормальная есть? — Тимур вытянул шею, всматриваясь в камни. — Если вы тут давно, могла заметить брод.

— Есть-есть! — она вдруг оживилась, перестав плакать. Надежда сделала ее движения суетливыми, быстрыми. — Нужно вон за тот большой выступ зайти, Вика как раз за ним прячется, там плиты лежат ровно.

— Проводишь? — спросила я.

— Конечно, пойдемте! — Элла засуетилась, оскальзываясь между валунами, пошла вперед вдоль кромки воды.

Определить расстояние в таком завале камней, да еще в наступившей ночи невозможно. Вместо нормальной ходьбы приходится танцевать лезгинку: щупать дорогу лучами фонарей, переступать острые ребра гранита, обходить замшелые туши валунов, хвататься руками за корни, чтобы не съехать по грязи. По внутренним ощущениям мы прошли еще около километра, хотя реально там могло быть и пятьсот метров. Но мы дошли до относительно безопасного участка. Русло здесь расширялось, и вода переливалась через естественную каменную насыпь — плоские плиты, уложенные природой так удачно, что течение разбивалось о них, позволяя человеку перескакивать с одного мокрого островка на другой.

— Вот тут можно прыгать, — показала Элла. — Но мы бы вдвоем с Викой тут точно убились, скользко очень.

Назад возвращались долго. Сначала Тимур взвалил Вику себе на спину — до реки и через стремнину, остальные страховали его шестами с обеих сторон, готовые поймать, если собьет течением. На нашем берегу эстафету принял Сашок. Он пер ее до самого лагеря. Вика весила килограммов сорок пять, не больше, особенно для боксера — легкая, как подросток, замерзшая до синевы. В лагере девушек усадили вплотную к огню, накинули на плечи сухие пончо — видно было, что трясет их знатно, промерзли до костей. Пока я разрезала штанину на правой ноге Вики, стараясь не причинять лишней боли, ребята уже разливали по металлическим мискам дымящуюся похлебку. Как же вкусно пахнет горячая рыба на фоне такого спасения — этот запах казался почти нереальным, как обещание, что все будет хорошо. Вика оказалась рыжеватой, ростом пониже подруги. Обе девушки, несмотря на грязь и истощение, вызывали мгновенную симпатию — открытые, испуганные лица, в которых читалась такая искренняя благодарность, что хотелось просто обнять их и сказать, что теперь они в безопасности.

— Вывих голеностопа сильный, гематома огромная, — закончила я осмотр, стараясь говорить спокойно, чтобы не пугать. — Но кости вроде целы. Все равно возможен скрытый перелом. Накладываю шину от пальцев до колена. В любом случае нести ее придется на руках до самого хутора, а там искать машину до травмпункта.

Уха ушла влёт. Оголодавшим девчонкам плеснули в кружки еще горячего бульона, саму рыбу давать побоялись — желудок после нескольких дней на ягодах мог не принять тяжелую пищу. Когда первый голод отступил, и все грели озябшие пальцы о металлические стенки кружек с травяным отваром, Кэт наконец задала вопрос, который висел в воздухе, тяжелый и неизбежный:

— Девочки, рассказывайте. Как вас сюда занесло и как вы умудрились выжить?

— Если коротко, — начала Элла, кутаясь в спасательное одеяло, ткань которого шуршала при каждом движении. — Мы заблудились буквально в пяти километрах от деревни. Попытались выйти на просеку, пошли по ней, понятия не имея, правильно идем или глубже в лес. Потом услышали мотор. Из-за поворота выскочила «Нива», такая старая, зеленая. В ней двое мужиков сидели. Узнали, откуда мы, сказали, что мы кругаля дали, идти надо в обратку, и предложили подбросить. Мы, две дуры, согласились. Куда денешься, дороги не знаем. Сели назад. А потом они тормознули на какой-то вырубке и говорят: «Выходите». Мы спросили — зачем. Они начали орать матом, дверями хлопать. Испугались мы жутко, выскочили из машины. Лес стеной, куда бежать — неясно. И тут они предлагают нам «за проезд отработать»… Мы так перепугались, что рванули в чащу, не разбирая дороги. Они сначала бежали за нами, матерились, а потом отстали, наверное, поняли, что ноги переломают, а мы чесали напролом, пока легкие не выплюнули. Забрели вот в эти скалы, тут Вика и оступилась на мокром камне, — Элла махнула рукой, закрывая лицо руками, и плечи ее затряслись снова.

— Было страшно до одури, — тихим эхом отозвалась Вика, которая до этого молчала, просто впитывая тепло костра. — Ни спичек, ни крошки хлеба. Днем солнце припечет — немного отпускает, а ночью зубами стучишь. Лягушек пытались жевать сырыми, гадость такая… Элла какие-то листья горькие находила. Обнимались ночами, чтоб теплом обменяться, иначе сердце останавливалось.

Так, передавая друг другу котелок, мы проговорили до глубокой ночи. Решено было, что парни Вику понесут на своих спинах по очереди, сменяясь каждый час. В караул распределились парами. Девчонок заставили лечь, накрыв двумя спальниками — они и так столько суток толком не смыкали глаз, держась на чистом нерве. А завтра нам предстоял долгий обратный путь.

Глава 4

Утро выдалось промозглым, рубашка липла к лопаткам от холодной испарины. Мы скатали влажные, тяжёлые брезентовые коконы палаток — они пахли прелой землёй и кислым потом, и этот запах нам ещё предстояло носить на себе до самого конца. Костёр затоптали, разбив последние синие угли тяжёлыми берцами в кашу из пепла и хвои.

— Запрыгивай, — Сашок подошёл к Вике спиной, уперев руки о ствол дерева. — Обнимай за шею, но не души.

Вика залилась густым румянцем, который проступил даже сквозь загоревшую кожу на скулах. Она неловко перекинула ногу и устроилась на закорках. Обхватив руками шею Александра, смущённо спросила:

— Не тяжело? Может, я сама как-нибудь… — голос прозвучал глухо, куда-то ему в воротник, вибрируя от стыда.

— Брось рефлексировать, — выдохнул Сашок, проверяя центр тяжести. — Ты килограммов сорок пять весишь, вообще пушинка. И это мы ещё очередь не распределили, так что лови бесплатный аттракцион.

— Мне дико неловко, — она попыталась улыбнуться, но губы дрожали. — Как представлю, что всю дорогу до деревни буду верхом ехать…

— Лови момент, пока мужик согласен бесплатно такси изображать, — заржал Глеб, закидывая свой рюкзак так, что лямка со скрипом впечаталась в ключицу.

Я оглядела отряд, чувствуя, как спало напряжение поисков, но на его месте начало зарождаться другое — необъяснимое, тянущее чувство тревоги, похожее на предгрозовое давление, когда воздух становится плотным и тревожным задолго до первых вспышек. Рюкзак Александра распотрошили, раскидав остатки провизии по другим рюкзакам, чтобы освободить носильщика для живого груза.

— Все готовы? Я впереди, Тимур за мной, он зорче. Сашок с пассажиром и Элла строго в середине. Колян замыкает. Смотрим под ноги, корни после дождя слизью покрылись, полетите кубарем.

— Есть, мэм, — Борис шутливо вскинул два пальца к виску, но улыбка вышла кривой, натянутой.

Мы выдвинулись. Обратный путь никогда не кажется таким бесконечным, как дорога туда, но сегодня шагалось легче. Сказалась эйфория — этот коктейль из адреналина и чужой спасённой жизни, который ни один курорт не купит. Даже недельная усталость вдруг показалась невесомой, мышцы гудели приятно, как перетянутая струна.

— Ребят, — нарушила тишину Элла, шедшая рядом. Её колотило мелкой дрожью — отходняк догнал. — Вы слышали гул три ночи назад? Часа в три. Будто самолёты над головой идут волна за волной, только неба не видно было.

— Было дело, — подтвердил Колян, пиная попавшуюся под сапог сырую шишку. — Низкий такой, вибрирующий. Живот им пробирало до самых кишок. Лиз, Кэт, вы ведь тоже не спали?

— Да, — кивнула я. — Гудело так, что уши закладывало, но облака висели густым полотном. Ни одного просвета.

— Военные развлекаются, — авторитетно заявил Глеб, поправляя съехавший ремень ружья. Холодный металл цевья звякнул о латунную гильзу на его груди. — Когда собирают такую армаду техники, земля гудит. У меня в части стаканы со стола прыгали.

— А ты где служил? — неожиданно повернулась к нему Элла.

— Далеко. На границе, — Глеб пожал плечами. — С вышки мало интересного: сопки, туман, да чужие огни по ночам. Красиво, если не думать о том, зачем ты там стоишь. А у нас

грязь, вышки да комары размером с воробьёв. Зимой стоишь на посту — сопли в носу ледяной коркой стынут, летом заживо сжирают. Так служба и пролетела.

— А ты, Саш? — голос Вики сверху звучал приглушённо, словно через подушку.

— Десант, — коротко бросил тот, перешагивая через поваленную березу. Кора под его рифлёной подошвой хрустнула сухим, ломким звуком.

— Это кто такие? Парашютисты?

— Они самые. Двадцатый прыжок к концу службы отметил. Самое страшное там не вниз лететь. Самое страшное — парашют укладывать в казарме на полу. Ошибёшься при зачековке строп — привет родителям, собирать будут веником.

— А остальные? — оживилась Вика. Ей явно нужно было забить голову чем угодно, лишь бы не думать о больной ноге, которая безвольно болталась при каждом шаге Сашка.

Борис обернулся:

— Связист. Моя задача — воткнуть иголку связи в любую точку тайги.

— Пехота, — отозвался Тимур. Он дышал тяжело, глубоко, раздувая ноздри. — Гоняли на коробочках по полигонам, пока солярка была.

— Ну а я королём кухни был, — осклабился Колян. Зубы блеснули белизной на небритом лице. — Баланду варил.

— Где?! — мы остановились посреди тропы, ошарашенные.

— В столовой. А что такого? Кто-то должен баланду варить, пока остальные геройствуют. Приказы не обсуждают. Зато котлы алюминиевые драил так, что в них бриться можно было.

Травля армейских баек стирала километры, и на какое-то время мы снова стали просто компанией, идущей по лесу. К обеду кроны деревьев начали редеть, запахло сырой дорожной пылью, прелым сеном и далёким печным дымом. Судя по компасу, мы вышли к деревне. План был простой: дозвониться, вызвать транспорт. Вику грузить первой. Но планам этим было не суждено сбыться. Когда мы выбрались из зарослей ольховника на окраину села, движение замерло само собой. Деревня встретила нас пустотой. Тяжёлые калитки кто-то сорвал с петель, другие оставлены настежь, и теперь они жалобно хлопали на ветру, издавая сухой деревянный треск, который в любой другой ситуации показался бы просто раздражающим, а сейчас звучал как погребальный колокол. Вдалеке поднимались жидкие столбы дыма. Ни голосов, ни лая собак. Полная, звенящая стерильность звуков, которую нарушал только свист ветра в проводах.

— Она брошенная? — прошептала Кэт, инстинктивно пряча руки в карманы анорака. Нейлоновая ткань зашуршала громко, неестественно.

— Нет, — я мотнула головой, чувствуя, как внутри живота сворачивается холодный, тяжёлый узел тревоги. — Тут жили люди. Ещё неделю назад топили печи.

Мы пошли дальше вдоль заборов. Чем глубже заходили в улицы, тем плотнее становился воздух. Пахло бедой — специфический сладковато-металлический запах запустения, который невозможно спутать ни с чем. Открытые настежь двери, разбросанные вещи, детские пластмассовые машинки, втоптанные в жирную грязь. И трупы животных. Две дворняги на цепи уже вздулись, вокруг них лениво гудели жирные изумрудные мухи, садясь прямо на остекленевшие глаза. Люди ушли отсюда в спешке — забрали детей, но оставили скотину подыхать привязанной к будкам.

— Что здесь произошло? — Оксана смотрела на мёртвую собаку так, будто впервые в жизни увидела смерть. Её пальцы мелко-мелко теребили край куртки.

Для всех нас эта картина была инородной. Мы привыкли находить тела погибших от стихии или собственной глупости туристов, но такая системность пугала до онемения кончиков пальцев.

— Стоп, — скомандовала я, останавливаясь. Ноги гудели, требуя сбросить рюкзак. — Разделяемся. Нужно осмотреть каждый дом. Сашок, оставайся с Викой и Эллой вон на той

лавочке. Оксан, померяй Вике температуру, если градусник жив. Остальным — оружие держать на виду, палец вне скобы.

Мы разбрелись по дворам. Я шла с Кэт, заглядывая в тёмные провалы сеней. Скрип старых досок под весом отдавался в коленях. Внутри всё перевёрнуто вверх дном, но следов борьбы нет — скорее торопливые сборы. Кто-то паковал вещи в спешке, хватая первое, что попадалось под руку, бросая остальное. Через десять минут из-за дальнего ряда домов появились Сашок с Глебом. Их лица посерели, стали цвета мокрого цемента.

— Лиза, — Глеб говорил тихо, глядя себе под ноги. Ботинки оставляли на пыли чёткий протектор. — Там, за силосной ямой, за последними сараями… лежит груда тел. Человек пять-шесть.

— В каком смысле, груда? — не поняла я. Голова внезапно стала лёгкой и пустой, перед глазами поплыло.

— В прямом, — вместо него ответил Сашок. Его голос сел до сиплого шёпота. — Расстрелянных. В груду сложили и забросали ветками.

Сказать, что меня накрыло — ничего не сказать. Меня будто ударили под дых тяжёлым кулаком, выбив из лёгких весь воздух. Одно дело — найти замёрзшего грибника; природа слепа и равнодушна. Здесь же пахло осознанной человеческой жестокостью, и этот запах был гуще сладковатого смрада запустения.

— Ведите, — выдавила я. Горло перехватило спазмом, и слово вышло хриплым, рваным выдохом.

Ноги сами понесли меня следом за парнями. За моей спиной сдавленно всхлипнула Кэт, звук застрял у неё в горле. Метров через триста, среди высокой полыни, остро пахнущей лимоном на изломе стебля, мы увидели это. Желудок резко дёрнуло вверх, к горлу. Я успела сделать два шага в сторону, упала на колени, и меня вырвало жёлчью прямо на листья мать-и-мачехи. Горькая кислота обожгла пищевод. Это не был страх перед мертвецами — наши поисковые рейды подразумевали разное. Но факт расстрела ломал психику. Ровные багровые отверстия в грудных клетках кричали о том, что их убили очередью в упор. Я стояла, опираясь руками о землю. Земля была тёплой, почти горячей от солнца. Под пальцами хрустнула сухая веточка. А затем ледяной змеёй пополз другой ужас: если это сделали люди, значит, они могут быть где-то рядом. Прямо сейчас.

— Глеб, — прохрипела я, отплёвываясь. Во рту стоял вкус меди. — Бегом за остальными. Всех сюда. Только быстрее.

— Лиз, может, девчонок не надо травмировать? — попытался возразить он.

— Надо! — я подняла на него глаза, полные холодной ярости. — Всем надо увидеть. Я не знаю, что происходит, но мы в опасности. Может, как-то связано с теми событиями в начале поисков. Помните блокпосты?

Минут через десять весь наш отряд стоял над этой братской могилой. Реакция разделила людей физически, словно каждого ударило по-своему, и удары были несоразмерны. Вика, сидевшая на спине у Бориса, зашлась в истошном, ультразвуковом визге, переходящем в рыдания — звук бил по барабанным перепонкам, как игла. Элла закатила глаза, белки сверкнули в тени капюшона, и начала медленно оседать вниз, пачкая колени о пыль; её поймала Кэт, схватив за жёсткие, спутанные волосы, чтобы голова не ударилась о камень. Оксану и Олю рвало синхронно, сгибая пополам, их выворачивало спазмами. Ира единственная сохранила подобие контроля — она просто закрыла лицо ладонями, прижатыми так плотно, что побелели пальцы, и тихо шептала молитву так быстро, что слова сливались в одно шипение. Борис стоял белый как мел, сжимая кулаки так, что ногти впились в кожу ладоней. Тимур издал низкий грудной звук, похожий на рык раненого зверя, и отвернулся.

— Я правильно понимаю… — начал Колян, нервно облизывая сухие, потрескавшиеся губы. — Их положили очередью?

— Похоже на то, — подтвердила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Контрольный выстрел в голову почти всем. Кровь впиталась в землю, превратив верхний слой почвы в чёрную глянцевую корку.

— А кто? — спросил он.

— Без понятия, — я потерла саднящие виски. Кожа под ними горела. — Местные бандиты, залётные мародёры, кто угодно. Сейчас это не важно.

— Зачем?! — истерика снова начала подступать к Оксане, она раскачивалась из стороны в сторону, обхватив себя руками за плечи. — Зачем здесь, среди этих болот?!

— Важно то, — перебила я, заставляя себя собраться, сглатывая вязкую слюну, — что правила игры изменились. С этой секунды объявляю красный уровень опасности. Будем считать, что находимся на враждебной территории, пока не докажем обратное.

— И что делать? — спросила притихшая Оля, размазывая грязь по лицу тыльной стороной ладони.

— Для начала избавиться от всех маячков, — я достала свой смартфон и нажала кнопку выключения. Экран мигнул логотипом и погас, став мёртвым куском чёрного стекла. — Борис, объясни физику процесса.

— GPS-трекеры стоят везде, — связист присел на корточки, снимая свой тяжёлый туристический навигатор с пояса. Крепление щёлкнуло. — Спутник видит чип даже в выключенном телефоне, если там осталась батарейка. Нас могли вести от самого леса. Те, кто сделал это, — он кивнул на расстрелянных, — могли видеть наше перемещение по точкам на карте.

— Так, быстро, — я протянула Сашку свой полупустой городской рюкзачок. Плотная ткань лямки царапнула кожу. — Достаём все телефоны, пауэрбанки, часы с картами, навигаторы. Всё скидываем сюда.

Ребята молча потянули технику из карманов. Пластик глухо стукался о дно брезента. Горка пластика росла, и каждый новый телефон ложился на дно рюкзака, как кирпич в стену, отрезающую нас от прежней жизни.

— Саш, бери Коляна, найдите сухой подвал. Нам нужен тайник. Такой, чтобы мы смогли забрать это барахло, когда выясним, что опасность миновала.

Парни кивнули и скрылись за углом дома. Пока они искали место для схрона, мы провели быстрый обыск. Скрипели ржавые петли погребов, пахло плесенью, мышами и гарью. Нашли немало полезного: мешки с картошкой в подпольях, холодные банки с вареньем, ящик тушёнки в разгромленном магазине, коробки макарон, которые захрустели в руках, как снег. Также обнаружили висящее на стене двуствольное ружьё и старую горизонталку шестнадцатого калибра. Приклады были тёплыми от солнечного света из окна. Еду и оружие решили однозначно брать с собой. Холодный металл стволов приятно оттягивал плечи, и в этом ощущении тяжести было что-то успокаивающее — будто оружие давало иллюзию контроля, которого на самом деле не было. На коротком совете распределили задачи. Группа разведки — я, Сашок и Элла — идёт к хутору, где живёт бабушка девчонок. Вопрос с Викой решали долго: оставлять нельзя, нести обратно — бессмысленно терять время. Решено: несем до их бабушки. Если та жива — оставляем девушку. Если в доме беда — забираем назад обеих. Остальные выдвигаются к старой промышленной зоне. Восемь километров отсюда, в лесу есть заброшенное бомбоубежище времён Союза, которое мы нашли года три назад. Оно не отмечено ни на одной современной карте. Идеальный форт. Им предстояло стаскать туда продукты, матрасы и топливо. Закончив инструктаж, мы тронулись. Первым шёл Сашок, мерно покачиваясь. Каждый его шаг отдавался глухим ударом пряжки ремня Вики о его поясницу. Следом шла Элла. Я замыкала группу, повесив на плечо, кроме своей Тозовки, ещё и Сашкин карабин. Стволы холодили спину даже через плотную ткань штормовки. Лес вокруг перестал быть просто деревьями. Он стал укрытием и ловушкой одновременно. Каждая тень казалась наблюдающим гла-

зом, каждый шорох — шагами, и идти вперёд было страшно, но оставаться здесь было страшнее.

Глава 5

Шли мы, постоянно прислушиваясь к звукам леса. Каждый шорох казался слежкой — ветер шевелил папоротник, и сердце подпрыгивало к горлу, пока глаза не убеждались: просто ветер. Но в итоге добрались до хутора, хоть и с перерывами. Каким бы сильным ни был Сашок, а отдых ему был необходим. Нести на себе взрослую девушку, пусть и лёгкую, — это не рюкзак тащить: живой груз двигается, смещает центр тяжести, и спина затекает так, что потом не разогнуться. Не доходя до опушки, где лес переходил в открытый участок перед хутором, остановились.

— Всё, дальше пока не идём, — остановила я ребят. — Надо обсудить план. Вчетвером идти опасно. Сашок, что скажешь?

— Надо Эллу с Викой спрятать, — Сашок говорил тихо, вполголоса, будто лес мог подслушать, — а нам идти в разведку, узнать, что там.

— Так и поступим, — кивнула я. — Ищем укрытие.

Мы с Сашком нашли углубление в корнях поваленного дерева. Дерево было огромным, старым — при падении оно вырвало из земли целый пласт дёрна, и в образовавшейся яме между корнями вполне могли поместиться два человека. Мы усадили туда девушек, забросали их лапником и сухой травой. Конечно, если будут искать с собаками, это не спасёт. Но мы надеялись, что собак пока никто привлекать не будет. Элла вцепилась в сестру так, будто боялась, что её отнимут. Вика молча кивнула мне — мол, идите, я справлюсь. В её глазах был страх, но и что-то ещё: доверие. Она верила, что мы вернёмся. Оставив девушек в укрытии, мы пошли в сторону хутора. Он казался пустым и пугающим — тихий, точно вымерший. Мы с Сашком передвигались перебежками, прячась за деревьями, заборами, углами строений. Какие-то дома стояли с открытыми настежь дверями, и оттуда тянуло сквозняком, несущим запах затхлости. Разбросанные местами вещи говорили о том, что бросали их внезапно — либо спасаясь в бегстве, либо когда людей уводили насильно. Но в некоторых домах будто кто-то выглядывал из окон и тут же прятался обратно — шевеление занавески, тень на стекле. И полная, пугающая тишина. Лишь изредка мычали привязанные коровы, да где-то далеко крикнула птица. Ни одного живого человека. Добравшись до дома Анны Михайловны, пригнувшись под окном, постучали. Никто не ответил. Постучали ещё раз — тишина.

— Саш, сходи проверь, входная дверь закрыта или нет, — попросила я шёпотом.

Сашок, стараясь не шуметь, пригнувшись, сходил туда и обратно.

— Закрыта изнутри, — прошептал он, оглядываясь по сторонам. Рука его при этом лежала на прикладе, не сжимая, но и не отпуская.

— Я так и думала. — Я задумалась на секунду. — Саш, будь здесь. Я поищу бумагу и карандаш.

Выбрав ближайший дом с открытой дверью, добежала до него и зашла внутрь. Там пахло сыростью и чем-то кислым — то ли прокисшим супом, то ли страхом. На столе, среди разбросанных газет и посуды, нашла блокнот и огрызок карандаша. Вернулась к Сашку. Написала на листке: «Я Лиза из отряда „Филины“, нас двое и с нами Элла и Вика». Приложила бумагу к окну буквами внутрь и снова постучала. Долго ждать не пришлось. Послышался звук отодвигаемого засова, дверь приоткрылась на щель, и мы с Сашком мигом оказались внутри. Анна Михайловна тут же закрыла дверь на все замки и разрыдалась, прикрыв рот ладонью, чтобы ни звука не вышло наружу. Обняв её, я подождала, пока она успокоится, хотя бы чуть-чуть, и потом спросила:

— Анна Михайловна, что тут произошло? Мы проходили одну деревню — вся разорена, и пять трупов за домами. И здесь пугающая тишина.

— Вы не знаете? — удивилась бабушка, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на жалость к нам, ещё ничего не понимающим.

— Нет. Мы же только что вернулись из похода, несколько дней в лесу были. Телефоны не работают, связи нет, — ответила я шёпотом.

— Кстати, а где Вика с Эллой? — забеспокоилась бабушка, и руки её задрожали. — Вы правда нашли их?

— Да, они в лесу рядом, в укрытии, ждут. Но Вике нужен врач. У неё или сильный вывих лодыжки, или всё же перелом. С Эллой всё в порядке.

— Ох, вы ж мои хорошие, — бабушка от волнения приложила ладонь ко лбу, и голос её сорвался на хрипотцу. — Война, детки. Уже третий день, как они здесь.

— Кто? — спросили мы с Сашком одновременно, и слово «война» повисло в воздухе, как что-то нереальное, из кино, из телевизора, но не из нашей жизни.

— Не знаю, кто это, — рассказывала бабушка, и в её глазах стояла та самая пустота, которую я уже видела сегодня — у мёртвых собак на цепи. — Флагов не видела, язык не понимаю, телевизор, радио и телефон не работают. Одно скажу: они забрали всю молодёжь и зрелых мужчин и женщин. Остались старики, и те прячутся по хатам.

— А кто это: европейцы, азиаты, с Ближнего Востока? — допытывалась я.

— Да кто же их знает, — отвечала Анна Михайловна, нервно теребя край фартука. — Они все под масками. Ни лиц, ни знаков различия не разобрать. Вам тут нельзя надолго оставаться, они могут вернуться в любой момент. Вику я спрячу, у меня есть маленькое помещение без окон — туда кровать влезет и столик. Дверной проём шкафом закрою, там будет жить. А вот куда Эллу девать? Она ведь не усидит на месте.

— Если Элла захочет, мы можем её с собой забрать, — сказала я. — Мы возвращаемся в лес, там у нас есть где прятаться. Но это тоже может быть небезопасно. Мы сами не знаем, что дальше делать будем.

Пока мы разговаривали, Сашок стоял у окна и всматривался в улицу, чуть отодвинув край занавески. Внешний мир казался застывшим, но мы все понимали: это затишье может закончиться в любой секунду.

— Так пусть с вами идёт, — бабушка посмотрела на Эллу с такой болью, будто прощалась. — Насчёт безопасности — сейчас везде небезопасно. Молодёжь забрали, и я не знаю, что с ними сейчас. Ладно Вика, ей врач нужен, спрячу у себя, позову одного врача — он давно на пенсии, но руки у него ещё крепкие. Может, и сделает что. А Элла? Зачем она, здоровая, будет взаперти сидеть? Тут ведь тоже безопасность относительная. Вы ребята хорошие — раз найти их смогли, то и позаботиться сможете. Я вам доверяю.

— Хорошо, — вздохнула я с облегчением, что решился вопрос с Викой. — Мы с Сашком сходим и приведём внучек. Когда услышите: два стука, перерыв, три стука — значит, это мы. Никому другому не открывайте.

Мы с Сашком тем же маршрутом, перебежками от укрытия к укрытию, двинулись за девчонками. На наше счастье, никого из захватчиков не было видно. Благополучно дошли до ожидавших нас сестёр, рассказали им, что видели на хуторе, и о том, что Элле, по мнению бабушки, лучше уйти с нами. Элла слушала молча, только сжала губы и кивнула — она уже поняла, что спорить бессмысленно. Сашок посадил Вику себе на спину и пошёл первым. Мы с Эллой, забрав вещи, двинулись следом. Добравшись до дома Анны Михайловны, постучали условным стуком. Дверь открылась мгновенно — бабушка, видимо, стояла рядом и ждала. Она обнимала обеих внучек и причитала так тихо, что слова еле различались, — голос её был сорван, глаза опухшие.

— Элла, внученька, — бабушка вытирала слёзы тыльной стороной ладони, — я Вику спрячу, постараюсь найти кого-нибудь, кто её ногу вылечит. А ты уходи с ребятами. Тебе нельзя

тут оставаться. Увидят тебя и увезут туда же, куда всех увезли. Я даже не знаю, что с ними сейчас.

— Бабушка, я ведь могла бы помочь тебе, — ответила расстроенная Элла, и голос её дрожал.

— Чем ты поможешь? — всплеснула руками Анна Михайловна. — Я же говорю, тебе нельзя будет на улицу выходить, а взаперти сидеть вместе с Викой тоже невыносимо будет. К тому же я сама не знаю, безопасно ли у меня даже Вике, но у неё другая ситуация. У неё травма, таскать её на спине вечно — совсем не вариант, и ей врач нужен. Эллочка, не переживай, я справлюсь.

— Анна Михайловна, — Сашок мягко напомнил о времени, — у нас мало времени. Давайте поможем спрятать Вику и пойдём. Нам ещё к отряду возвращаться.

— Да, конечно, — спохватилась бабушка. — Я покажу куда.

Она провела нас в небольшую комнату без окон. Дверной проём в неё находился в гостиной, за углом, так что с первого взгляда его не заметишь. Мы занесли туда кровать, столик, усадили Вику. Сам проём задвинули широким шкафом, предварительно сняв заднюю стенку из ДВП. Потом эту стенку установили так, чтобы её можно было выдвигать в сторону, — получился скрытый лаз, который со стороны комнаты выглядел как обычная задняя стенка шкафа. Навешали внутрь одежды, и на этом маскировка была закончена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.